

УДК 800.2

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л.Р. Абдулхакова

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты происхождения русского деепричастия и его места в грамматической системе русского литературного языка. В научной литературе остаются спорными как хронология формирования этой грамматической категории, так и ее морфолого-синтаксические особенности, характерные для начального периода ее истории. Учитывая различные походы к решению проблемы, а также исходя из специфики функционирования полных и кратких форм старого причастия в древнерусских текстах, представляется возможным говорить о достаточно раннем обособлении кратких форм, давшем начало новой категории – деепричастию.

Определяя основные направления исследований в области исторической морфологии русского языка, В.В. Виноградов отмечал, что «история деепричастий, способов их образования и синтаксического употребления... нам вовсе не известны» [1, с. 171]. Несмотря на то, что с тех пор прошло немало времени, проблема, обозначенная В.В. Виноградовым, не потеряла своей актуальности.

Русское деепричастие представляет собой грамматическую категорию, в описании которой существуют разные, порой весьма противоречивые мнения, касающиеся разных аспектов как истории, так и современного состояния деепричастия. Прежде всего нет единства в определении его грамматического статуса, причем такая ситуация имеет давнюю традицию. Так, в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова в Наставлении IV («О глаголе») приведены возможные для середины XVIII в. причастные и деепричастные формы, но далее, в Наставлении V («О служебных частях слова»), речь идет уже только о *причастиях*, а деепричастия отдельно не рассматриваются. Аналогичное положение находим в «Российской грамматике» А.А. Барсова, который среди 8 частей речи отмечает причастие, не выделяя деепричастия. Таким образом, А.А. Барсов вслед за М.В. Ломоносовым объединяет причастия и деепричастия в одну категорию.

Отсутствие единства в вопросе о категориальном статусе деепричастия наблюдается на протяжении длительного времени, вплоть до современного русского языка. Так, Ф.И. Буслаев рассматривал деепричастие как часть речи – отглагольное наречие; Д.Н. Овсяннико-Куликовский выделял деепричастие в отдельную часть речи; В.А. Богородицкий относил его к придаточным частям речи, имеющим собственное значение, называя «наречием к причастию»;

А.М. Пешковский рассматривал как смешанную часть речи, что сходно с точкой зрения В.В. Виноградова, который назвал деепричастие гибридной наречно-глагольной категорией.

Определение места деепричастия в грамматической системе русского языка, которое дают современные ученые, развивающие традиции своих предшественников, делит их на два противоположных лагеря. Наиболее распространенной, получившей отражение в Русской грамматике (1980) стала точка зрения, согласно которой деепричастие является *формой* глагола. Однако эта *форма* также определяется по-разному. В грамматических трудах середины XX в. ее называют *неспрягаемой* (А.Н. Гвоздев; Грамматика русского языка, 1953), позже – *неличной* (А.А. Зализняк; И.Г. Милославский), *атрибутивной* (Грамматика русского литературного языка, 1970). Последнее определение представлено и в Русской грамматике (1980): «Деепричастие – это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и наречия, то есть значения действия и обстоятельственно-определяющее» [2, с. 672]. В соответствии с другим мнением, деепричастие признается самостоятельной *частью речи*, хотя и с оговорками: «Лексико-грамматические свойства деепричастия не укладываются ни в рамки глагола, ни в рамки наречия. Они формируются как таковые на глагольном материале под сильным влиянием наречий. Это позволяет рассматривать их как особый разряд слов, хотя самостоятельность их весьма относительна» [3, с. 223–224; 16].

Нет единства среди ученых и по вопросу об определении морфологических признаков деепричастия. Здесь также можно выделить две группы мнений. Большинство лингвистов считает, что деепричастия обладают категорией *вида* (В.В. Виноградов; П.С. Кузнецов; Грамматика русского языка (1953); Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов; Русская грамматика (1980) и др.), причем вид деепричастия соответствует виду глагола, от которого это деепричастие образовано. Однако при этом в ряде случаев возможно появление синонимичных (= вариантных) форм, что связано с допустимостью использования при одной и той же глагольной основе разных суффиксов, обслуживающих деепричастия разных видов (ср.: *увидеть* – *увидя* и *увидев*, *принести* – *принеся* и *принесши* и др.). От этого мнения несколько отличается позиция И.Г. Милославского, который считает, что видовое значение деепричастий выражается не глагольной основой, а показателем деепричастия.

В некоторых работах говорится о наличии у деепричастия категории *времени* (Ф.И. Буслаев; В.И. Чернышев; Д.Н. Кудрявский; Т.П. Ломтев; В.И. Борковский; А.А. Зализняк и др.). В этом случае выделяются деепричастия настоящего времени, которые образуются от глаголов несовершенного вида (НВ), и деепричастия прошедшего времени, образованные от глаголов совершенного вида (СВ), а также возможные от глаголов НВ.

Подобное выделение разных характеристик деепричастия связано с его происхождением и последующим развитием. С одной стороны, деепричастия сформировались на основе действительных причастий настоящего и прошедшего *времени*, которые в синтаксическом плане тяготели к подлежащему, но постепенно сближались со сказуемым, приобретая значение второстепенного действия или выражая обстоятельственные отношения. Указание на категорию

времени у деепричастия может быть связано и со спецификой значений, которые они могут передавать в предложении, выступая в качестве второстепенного сказуемого. Деепричастия выражают временное значение относительно: через отношение ко времени основного действия, обозначаемого глаголом-сказуемым. Так, деепричастия НВ, как правило, обозначают действие, одновременное с действием глагола-сказуемого (*Говорил, жестикулируя...*) (= настоящее время по отношению к основному действию), а деепричастия СВ называют действие, предшествующее действию глагольного сказуемого (*Остановившись, сказал...*) (= прошедшее время). Вместе с тем возможны и другие случаи, когда, например, деепричастие СВ может обозначать действие, следующее за основным (*Растегнул куртку, открыв рубаху навывпуск*). При этом не все глаголы НВ имеют деепричастия прошедшего времени, тогда как ряд глаголов СВ допускает образование вариантных форм с показателями настоящего времени *-а(-я)*. В целом вопрос о временном значении деепричастий не является простым и исследованным до конца.

С другой стороны, способы образования деепричастных форм в процессе их исторического развития приобретали вполне определенную зависимость от *вида* производящего глагола.

Одним из дискуссионных остается вопрос о времени возникновения деепричастия в русском языке. Его решение находится в неразрывной связи с установлением критериев для определения деепричастия как самостоятельной грамматической категории.

Основными критериями, которые имеют существенное значение при характеристике любой части речи, являются единство формы, грамматического значения и синтаксических функций.

В современном русском языке важнейшей формальной особенностью деепричастия признается его неизменяемость, а также наличие определенного набора грамматических показателей (суффиксов), характерных для этой грамматической категории. Их выработка и закрепление за определенными видами глагола осуществлялись на протяжении длительного исторического периода. Этот процесс в основных чертах можно считать завершенным, хотя и в современном русском литературном языке в ряде случаев, как уже отмечалось выше, сохраняется возможность образования синонимичных форм.

Как известно, разные группы деепричастий восходят к причастным формам именительного падежа мужского или женского рода. Обособление отдельных форм парадигмы началось со случаев нарушения согласования причастия и существительного в роде и числе, которые всеми историками языка рассматриваются как первое свидетельство начала формирования деепричастий. Подобные случаи фиксируются уже в древнейших русских памятниках XI–XIII вв. Так, исследовавший язык Миней 1096 года В.Л. Комарович отмечал неоднократное несогласованное употребление формы им. пад. мн. ч. на *-е*, превращающее ее в деепричастие. С.П. Обнорский обращает внимание на случаи употребления в Ефремовской Кормчей XII в. «общей формы» причастия: «В ней не сознавалось признаков рода, падежа и числа, но она, обслуживая любой род, падеж и число, являлась тем, что сейчас отчасти покрывается понятием деепричастия» [4, с. 81]. Примеры нарушения согласования в грамотах конца

XII – начала XIII вв. приводит В.И. Борковский в своей монографии «Синтаксис древнерусских грамот».

О деепричастных формах в древнерусском языке XIII – XIV вв. писала М.Г. Шатух, относя начало перехода причастий в деепричастия к концу XII в. Й. Домбровский же отмечает, что деепричастия начинают свою историю с XIII в. К более длительному периоду XII – XIV вв. относит названные изменения Я.А. Спринчак.

Подводя итог изучению деепричастий, В.В. Колесов пишет: «Формирование деепричастий, по согласному мнению историков (выделено нами – Л.А.), происходило в XIII – XIV вв., к концу XIV в. уже завершилось как образование категории, но еще долго вырабатывало универсальные формы своего выражения» [5, с. 603]. Это заключение представляется слишком оптимистичным, поскольку мнения исследователей истории причастий и связанных с ними деепричастий не столь единодушны. Действительно, в том, что касается начала процесса формирования деепричастия, разные позиции можно свести к единству. Однако по поводу развития преобразований и особенно времени их завершения подобного единства не наблюдается. Об этом говорит и само употребление термина ‘*деепричастие*’, которого многие избегают или дают в скобках рядом с термином ‘*причастие*’.

Как известно, наиболее определенно о времени появления деепричастия писал А.А. Потебня: «Еще довольно трудно в точности определить, как продолжителен период... образования деепричастий. Кажется несомненным, что в конце XIV в. причастия действительные аппозитивные были уже только в книжном языке, и деепричастие, как *вполне определившаяся часть речи* (выделено нами – Л.А.), уже существовало, хотя и отличалось кое-чем от нынешнего» [6, с. 186].

Созвучно этому мнению и высказывание С.П. Обнорского: «Трудно установить эпоху окончательного сложения в языке категории деепричастия. Но можно думать, что явление это очень древнее: «Русская правда», оригинальный русский памятник, не знает вовсе употребления причастий как таковых (в склоняемой их форме), но дает многие примеры употребления причастий лишь в форме им. пад. ед. и мн. ч., притом в функции уже не причастной» [7, с. 213].

Однако в дальнейшем хронология процесса была отнесена лингвистами к более позднему времени.

Так, Б.В. Кунавин считает временем активного формирования деепричастия период XIV – XV вв.

Л.Е. Лопатина в разделе «Второстепенное сказуемое» монографии «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение» занимает более осторожную позицию: «...к XV в. краткое причастие постепенно теряет способность к согласованию, становится неизменяемым. Процесс выбора одной из причастных форм, закрепления ее в качестве новой морфологической категории – деепричастия – *еще только начинается* (выделено нами – Л.А.)» [8, с. 107]. Правда, чуть ниже находим: «...уже к XV в. в русском языке краткая форма действительного причастия почти полностью утратила многие синтаксические признаки причастия... Можно, следовательно, в отношении

этой формы употреблять уже термин «деепричастие», учитывая при этом ряд синтаксических особенностей ее...» [8, с. 117].

О деепричастии как отдельной глагольной категории в русской письменности второй половины XVI в. пишет С.Д. Никифоров, даже формы типа *погубль* называя старославянскими формами деепричастия.

Вместе с тем большинство исследователей связывает завершение процесса формирования деепричастия с XVII веком. О том, что категория деепричастия в грамматическом строе языка XVII в. сложилась в основных чертах, пишут Д.Н. Кудрявский, Э.И. Коротаева, Я.А. Спринчак, А.Н. Стеценко, С.И. Котков и др.

Некоторые исследователи отмечают, что старые причастные формы в их исконном облике сохраняются в памятниках, написанных в конце XVII – начале XVIII вв. на церковнославянском языке. Эта ситуация расценивается как функционирование причастных образований в книжно-литературном языке XVII в. в качестве единого, не расчлененного на причастия и деепричастия класса слов и, по мнению О.Л. Рюминой, свидетельствует о незавершенности процесса становления категории деепричастия. Т.В. Кортава считает, что и в приказном языке XVII в. еще выступают причастия, а не деепричастия, что противоречит наблюдениям А.А. Припадчева над деловым языком XVII в., в котором, по мнению исследователя, именное причастие как самостоятельное грамматическое явление было утрачено.

З.Д. Попова и Н.Н. Запольская считают временем формирования деепричастия XVIII в.

От рассмотренных точек зрения на проблему происхождения русского деепричастия отличается иное мнение, которое представляется нам более перспективным. В соответствии с ним можно, по-видимому, говорить о более ранних предпосылках образования деепричастия. При этом во внимание принимается не столько форма, сколько ее функционирование, а именно то значение, которое она выражает в контексте.

Действительно, для более убедительного решения вопроса о хронологии формирования и развития деепричастия необходим разносторонний комплексный анализ рассматриваемых образований как с формальной, так и с функциональной точек зрения. Конечно, утрата согласования с именем существительным (подлежащим) и последовавшее затем обособление формы именительного падежа – процесс в истории рассматриваемых образований, без сомнения, значимый и показательный. Однако при этом следует учитывать и их функциональные особенности.

В этом смысле заслуживает внимания позиция Г.А. Хабургаева, которая нашла отражение в книге «Историческая грамматика русского языка». По мнению ученого, утрата форм рода и числа нечленными причастиями осуществилась задолго до XII в.: «Она могла, например, произойти в период, синхронный времени сложения старославянского языка, – как естественный результат тех функций причастных форм, которые вполне оформились к концу праславянского периода и явились базой тех норм употребления нечленных действительных причастий, которые отражены собственно старославянскими переводами греческих текстов, с одной стороны, и привели к образованию восточнославян-

ских деепричастий... – с другой. Более того, только такое предположение позволяет естественно объяснить функциональную соотносительность собственно причастных форм старославянского языка и восточнославянских (в частности, русских) деепричастий» [9, с. 355]. Тем самым автор относит обозначение второстепенного действия субъекта к «старославянским традициям употребления нечленных действительных причастий» [9, с. 355].

В старославянских памятниках обнаруживал зачатки процесса возникновения деепричастия Д.Н. Кудрявский. Наличие неизменяемых форм причастия в старославянских текстах отмечал В. Вондрак: «Если подлежащее действия, выражаемого причастием, не указано, то причастие получает неизменяемую форму на *-ште* или *-ше*: *їїââëĥ ņúâ#çàðè* > *è âëà-#øðà ââñðè* > *âú òâìúìèò@...* (Супр., 71. 26–27)» [10, с. 32].

О частых случаях аппозитивного (в качестве второстепенного сказуемого) употребления кратких действительных причастий в памятниках старославянской и древнерусской письменности писала Н.И. Маевская. При этом причастные формы обозначали действие, предшествующее или сопутствующее главному.

В.В. Бенке, исследуя состояние именных действительных причастий в древнерусском языке старшего периода, признает, что в рассматриваемую эпоху краткое действительное причастие уже не существовало как грамматическая категория, определяющаяся целостностью формы и значения.

А.Г. Руднев также указывает на то, что в памятниках древнерусского и старославянского языка краткие действительные причастия могли выступать и в роли причастия, и в роли деепричастия. При этом важной представляется мысль о том, что при анализе нельзя опираться только на форму и считать, что одна и та же **форма** всегда заключает в себе одно и то же **содержание**.

Сложность вопроса связана еще и с тем, что не вполне четко определены и особенности древнего причастия в отличие от современного. В большинстве случаев старые причастия характеризуются как «гибридный» класс слов, которые «причастны» и имени, и глаголу. С этим обстоятельством связывают особую нестабильность, подвижность их свойств. И хотя сами свойства причастий зачастую не перечисляются, имеется в виду, что им были присущи признаки как имени, так и глагола, в том числе и синтаксические, то есть они в равной степени могли выполнять как атрибутивные, так и предикативные функции.

Исходя из сказанного выше, кажется возможным представить исходную ситуацию следующим образом. По-видимому, достаточно рано – уже в праславянский период – на базе древнего причастия (можно назвать его «нерасчленным причастием» по аналогии с «нерасчленным именем») начали складываться отличительные черты двух будущих самостоятельных категорий – причастия и деепричастия. Это старое причастие могло иметь краткую и полную форму. В плане синтаксических функций оно, вероятно, было способно к выражению различных отношений – атрибутивных и предикативных. Со временем постепенно развивалось противопоставление именных и местоименных образований, которое должно было сопровождаться их функциональной специализацией. При этом полные формы закреплялись преимущественно в атрибутивном употреблении, а краткие – в предикативной функции, которая в ряде

случаев сопровождалась выражением различных обстоятельственных характеристик действия. Причем первоначально предикативное значение могло обслуживаться всей парадигмой кратких форм, т. е. не только именительным, но и косвенными падежами.

По-видимому, уже по отношению к древнейшим славянским памятникам речь может идти о выражении именными образованиями не только значения второстепенного действия, но и обстоятельственных значений, хотя во многих случаях приходится отмечать возможность двойного толкования.

Например: *è íà ĩ ĩĩçhōú äíüōú. ñúáúðàáú âñâ ìüíèi ñíú ìèèää íà ñòðáí@ àèèâ÷â. è ôÿ ñú ðâñòí÷è èìhíèâ ñâîâ æèâû | áë@äüíí.* Уже в этом примере из притчи о блудном сыне представляется возможным усматривать в *ñúáúðàáú* как обозначение предшествования действию *ìèèää*, так и его временную характеристику (когда?); в *æèâû* – как одновременность с *ðâñòí÷è*, так и причинное (почему?) или обстоятельно-характеризующее значение (значение образа действия – каким образом?).

Процесс обособления собственно причастий и деепричастий, несомненно, был длительным и противоречивым, как и все исторические изменения грамматических категорий, поэтому достаточно сложно приводить для него какие-то точные хронологические рамки. На разных этапах развития можно наблюдать случаи взаимной заменяемости форм, смешения их функций. В связи с этим не всегда удается привести и однозначное толкование примеров. А.А. Потеня отмечал: «Между причастием, вполне согласуемым со своим определяемым, с одной стороны, и деепричастием, вовсе не согласуемым и не имеющим непосредственной связи с именем, которое им определялось, когда оно было причастием, – с другой, можно заметить среднюю ступень. На ней отпричастное слово не может быть названо причастием, потому что уже лишено рода, числа и падежа, но не есть деепричастие в вышеупомянутом смысле, потому что стоит не при глаголе, а при своем подлежащем» [6, с. 200].

Вместе с тем уже для древнерусского периода представляется возможным говорить о разграничении двух разных грамматических категорий – причастия и деепричастия. На материале памятников XI – XIV вв. хорошо прослеживаются многие специфические особенности, характерные для раннего этапа развития деепричастий, когда омонимия кратких причастных и деепричастных форм была еще достаточно ярко выражена.

В этом случае речь идет прежде всего об именных (кратких, нечленных) формах древнего причастия. Одинаковые по оформлению образования в зависимости от контекстуальных и синтаксических особенностей употребления могут быть либо причастием, либо деепричастием. Определяющим критерием, на наш взгляд, может быть синтаксическая роль, которую та или иная форма играет в предложении. Ведущими в том или ином случае целесообразно было бы признать такие функции, которые впоследствии закрепились в качестве основных для собственно причастия, с одной стороны, и для деепричастия – с другой. Таким образом, представляется возможным опираться при характеристике древнерусских форм на следующее: если та или иная форма выступает в роли определения, она является причастием. Когда же аналогичная форма выполняет функцию предикативного члена, а также выражает те или иные обстоятель-

ственные значения или их оттенки, она может рассматриваться как деепричастие.

Исследователи, занимавшиеся разработкой вопросов, связанных с историей причастия, много внимания уделяли особенностям функционирования именных форм действительного причастия, отмечая возможность (хотя и редкую) их использования в качестве определения, что отражало их былую связь с древнейшим причастием. Однако точно так же, по-видимому, о синтаксических особенностях исходного причастия могут свидетельствовать и случаи предикативного употребления местоименных форм. Примеры, иллюстрирующие общность не только атрибутивного, но и предикативного значений именных и местоименных форм, разнообразно представлены, в частности, в Житии Феодосия Печерского (XII в.). Они позволяют проследить определенный параллелизм, который наблюдается в функционировании полных и кратких образований в ЖФП. И те, и другие могли выполнять не только атрибутивные, но и предикативные функции, т. е. выступать в аппозитивном употреблении. В условиях, которые А.А. Потебня описывает как наиболее характерные для кратких аппозитивных причастий, в Житии используются и членные формы.

В то же время развивающаяся синтаксическая специализация кратких форм – способность выражать предикативные отношения – проявляет себя не только в именительном падеже, но и в косвенных падежах. Это находит отражение в их наибольшей употребительности в составе оборота «дательный самостоятельный» и в конструкциях со вторым винительным падежом. Обе названные синтаксические конструкции обладали высокой степенью предикативности, о которой пишут многие историки языка.

Таким образом, уже для ранних этапов истории русского языка можно говорить о достаточно последовательно осуществлявшемся как формальном, так и функциональном противопоставлении именных и местоименных форм древнего причастия, что, как кажется, дает возможность уже применительно к древнерусскому периоду говорить о наличии деепричастия в качестве самостоятельной категории. Конечно, процесс формирования этой грамматической категории был еще далек от завершения, однако ее основные черты проявляли себя уже вполне определенно.

Summary

L.R. Abdulhakova. To the problem of origin of the adverbial participles in Russian language.

The article is devoted to the problem of forming of the adverbial participles in Russian language. Scientists attribute this process to the XI – XVII centuries. But there are certain morphologic and syntactic peculiarities of these forms even in the oldest Russian manuscripts of the XII century and earlier. That makes it possible to speak about adverbial participles in Russian language of XI – XIV centuries.

Литература

1. *Виноградов В.В.* О задачах истории русского литературного языка // Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избр. тр. – М.: Наука, 1978. – С. 152–177.

2. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. I–II.
3. *Шанский Н.М., Тихонов А.Н.* Современный русский язык. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.
4. *Обнорский С.П.* О языке Ефремовской Кормчей XII в. // Исследования по русскому языку. – Спб., 1912. – Т. III, Вып. 1. – 85 с.
5. *Колесов В.В.* История русского языка. – Спб.: СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 672 с.
6. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. — М., 1958. – Т. I–II. – 536 с.
7. *Обнорский С.П.* Очерки по морфологии русского глагола. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 251 с.
8. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. – М.: Наука, 1978. – 447 с.
9. *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Высш. шк., 1981. – 359 с.
10. *Вондрак В.* Древнецерковнославянский синтаксис. – Казань, 1915. – 63 с.

Поступила в редакцию
27.03.06

Абдулхакова Лейсан Равилевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.